
УДК 811.512.31 + 81'34
DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Эмотивная интонационная конструкция бурятского языка

Ю. Д. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию семантики одной часто употребляемой в разговорной речи интонационной модели бурятского языка. Ее акустические параметры: восходяще-ровно-нисходящий мелодический рисунок, высокий регистр произнесения, значительное превышение средней длительности звука на слове-акцентоносителе. Материал исследования был отобран из спонтанных монологических диалектных текстов и подвергнут акустическому анализу в программах Speech Analyzer и Praat. Подход от «формы к функции» позволил выявить три значения, передаваемых этой интонацией: интенсификация, согласие, удивление. Исследование показало, что исследуемая интонация может усиливать значение, выраженное другими языковыми средствами, придавая высказыванию эмоциональный оттенок, а также играть роль собственно эмотивной интонации, изменяя семантику всего высказывания.

Ключевые слова

бурятский язык, диалектная речь, эмотивная интонация, основной тон, длительность, интенсификация, согласие, эмоция удивления

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Абаева Ю. Д. Эмотивная интонационная конструкция бурятского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 21–31. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Emotive intonation structure of the Buryat language

Yu. D. Abaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

The article focuses on analyzing the meaning of a commonly used intonation contour in Buryat oral speech. This contour is characterized by a high pitch level and a noticeable elongation of stressed words. The research material was taken from audio recordings of spontaneous speech. Acoustic analysis was performed using the Speech Analyzer and Praat computer programs. The following parameters were investigated: the intonation contour shape, the rising and falling interval of the fundamental frequency, the register, and the sound length compared to the average duration. The analysis revealed three meanings expressed by the contour: intensification, agreement, and surprise. Hence, the Buryat language has a remarkable intonation structure employed to convey a multitude of emotionally resonant semantic meanings. The additional experiment

© Ю. Д. Абаева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

conducted to transform emotional intonation into a neutral one demonstrated that this intonation is used in two specific types of statements: emotionally charged statements and veritably emotive statements. The first type demonstrates the supplementary role of intonation by strengthening the meanings expressed by other linguistic means (lexical and syntactic). Intonation allows the speaker to express their emotional evaluation and convey their attitude. In the second type, the change of intonation entails a change in semantic meaning, with the expression of emotions being the dominant communicative task. Additionally, it has been revealed that the intonation contour under examination displays stratification in terms of age and territorial factors. Its usage is more prevalent among the speakers of the Aga subdialect and is particularly common among the older generation.

Keywords

Buryat language, emotive intonation, dialect speech, pitch, duration, intensification, agreement, emotion of surprise

For citation

Abaeva Yu. D. Emotivnaya intonatsionnaya konstruktsiya buryatskogo yazyka [Emotive intonation structure of the Buryat language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 21–31. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Введение

Интонационное выражение эмоций в бурятском языке ранее практически не являлось предметом специального исследования. Между тем эмотивность пронизывает все коммуникативные типы высказываний: повествование, вопрос, побуждение могут быть произнесены с повышенной эмоциональностью, с эмфазой. Более того, эмотивные высказывания рассматриваются в качестве самостоятельного коммуникативного типа, главной коммуникативной целью которых является не сообщение, не побуждение и не запрос информации, а «выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к предмету речи или какому-либо лицу» [Пиотровская 2016: 45].

Хотя большинством ученых признается, что выражение эмоций является одной из ведущих функций интонации, относительно лингвистичности этой функции имеются разногласия. Так, И. Г. Торсуева относит выражение эмоционального состояния к экстралингвистическим функциям, не формирующим интонационных единиц [Торсуева 2009: 63].

Н. Д. Светозарова делит эмотивную функцию интонации на область эмоциональных значений и область эмоциональной окраски. Если эмоциональная окраска (тоска, тревога, грусть и др.) обусловлена физиологически и для нее характерна языковая универсальность, то эмоциональные значения (сомнение, сожаление, упрек и др.) обладают языковой спецификой и именно они обладают лингвистичностью и формируют специфические интонационные единицы [Светозарова 1982: 23].

По мнению Е. А. Брызгуновой, нейтральное произнесение характерно для речи, в которой отношение говорящего к высказыванию интонационно не выражено. Субъективное отношение говорящего к высказываемому может быть выражено как добавочный эмоционально-смысловой оттенок, как усиление смысла нейтрального высказывания, как эмоциональное состояние говорящего. Интонации, которые служат средством выражения субъективного отношения говорящего к высказываемому, Е. А. Брызгунова называет модальными реализациями интонационных конструкций [Брызгунова 1982: 100–102].

Т. Е. Янко считает, что контраст и эмфаза – это модифицирующие значения интонации, они не создают речевых актов, а модифицируют компоненты речевых актов [Янко 2008: 21].

Л. А. Пиотровская приходит к выводу, что эмотивная функция является вторичной, в отличие от первичных функций, которые реализуются в любом речевом акте, при любом использовании языка. Для выражения вторичных функций говорящий использует специальные языковые средства, за которыми в процессе исторического развития языка закрепилось соответствующее предназначение [Пиотровская 2015].

Относительно интонационных средств, используемых для выражения эмоций, И. Г. Торсуева пишет, что эмоции постоянно нарушают некие идеально средние нейтральные конструкции. Такие нарушения выражаются в повышении основного тона, что вызвано напряжением голосовых связок, а также в изменении синтаксиса, а именно в перестановке наиболее важного компонента высказывания в начало предложения [Торсуева 2009: 41]. По мнению

И. С. Ибрахим, смещение мелодического пика, наряду с другими просодическими параметрами, может являться дифференциатором для распознавания определенных эмотивных значений [Ибрахим 2011: 24].

При аудировании разговорной бурятской речи обращает на себя внимание достаточно частое употребление особого интонационного контура: очень высокого тона со значительным удлинением, растягиванием звука на некоторых словах. Такой тип интонации встречается в разговорной речи носителей практически всех диалектов. Можно предположить, что такой тип интонации, в котором ряд параметров превышает средние показатели нейтрально окрашенной речи (средняя длительность гласного звука, диапазон изменения основного тона, крутизна изменения мелодической кривой в речи конкретного диктора), используется для выражения повышенной эмоциональности говорящего, либо его эмоционального отношения к сообщаемому. Для такой интонации характерны значительное превышение средней длительности звука, более широкий диапазон изменения тона, высокий регистр, общее изменение типичного интонационного контура. При этом происходит сглаживание просодии постцентральной части, что представляет собой частое явление при наличии ярко выраженного акцента во фразе (см. рис. 1).

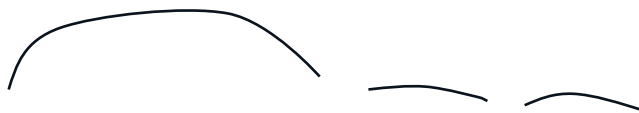

Рис. 1. Мелодический контур эмотивной интонационной конструкции
Fig. 1. Pitch contour of an emotive intonation structure

Для сравнения типичный интонационный контур нейтрально произнесенного высказывания выглядит как повышение тона на первом знаменательном слове с последующим понижением тона к концу, с небольшими мелодическими пиками, связанными с просодией слова. Инклинация или деклинация тона финальной части зависит от типа высказывания (см. рис. 2).

Рис. 2. Типичный нисходящий и восходящий мелодический контур
Fig. 2. Typical falling and rising pitch contour

Задача настоящего исследования – установить семантику данной эмотивной интонационной конструкции, выявить передаваемые ею значения. В работе применяется подход «от формы к функции», который позволяет на основе анализа высказываний, оформленных данной эмотивной интонацией, выявить ее функциональную нагрузку.

Материалы и методы

Материал исследования взят из записей устной спонтанной диалектной речи, собранной для Звукового корпуса бурятских диалектов¹. Из устных текстов – монологов с элементами диалогов на различные бытовые темы (автобиография, рассказ об интересном событии, о сверхъестественном) – были отобраны высказывания, несущие повышенную эмоциональность, эмфазу. Было проанализировано 19 текстов общей длительностью звучания 3 ч. 44 мин. Специальная просодическая разметка, разработанная для нужд Корпуса, позволила выделить фразы, содержащие примеры употребления исследуемой интонации. Просодическая разметка была выпол-

¹ <http://dialectology.imbtarchive.ru/>

нена в программе ELAN², она включает членение фразы на синтагмы, указание на интонационный центр и участки просодической выделенности с описанием мелодического контура на этих участках, уровень тона, паузы, ускорение и замедление темпа, изменения громкости [Абаева 2020: 13–15].

Обращение именно к спонтанной устной диалектной речи обусловлено тем, что речь, записанная в лабораторных условиях, декламация заранее подготовленных реплик, не всегда передают аутентичную интонацию, что, разумеется, искажает результаты исследования. Как пишет И. С. Ибрахим, согласно исследованию К. Томита, сравнение речи спонтанной и подготовленной (сценической) показало различие их интонации на всех уровнях (мелодика, интенсивность, длительность) [Ибрахим 2011: 4].

Дикторами выступали носители диалектов, усвоившие язык в раннем детстве и использующие его в качестве средства повседневного общения. Преимущество отдавалось дикторам, проживающим в сельской местности в монодиалектной среде.

Материал был подвергнут акустическому анализу в программах Speech Analyzer³ и Praat⁴. В отобранных фразах были измерены следующие параметры: длина звука в сравнении со средней длительностью звука, интервал подъема и падения основного тона (ОТ), регистр произнесения, форма интонационного контура. Особое внимание было уделено несущему акцент слову и его локализации во фразе.

Результаты

Интенсификация признака. Одним из наиболее частотных случаев употребления такой конструкции является усиление, или интенсификация признака, например: *Ехэ гү-үн* ‘Очень глубокий’ в произнесении носителя эхирит-булагатского диалекта (см. рис. 3).

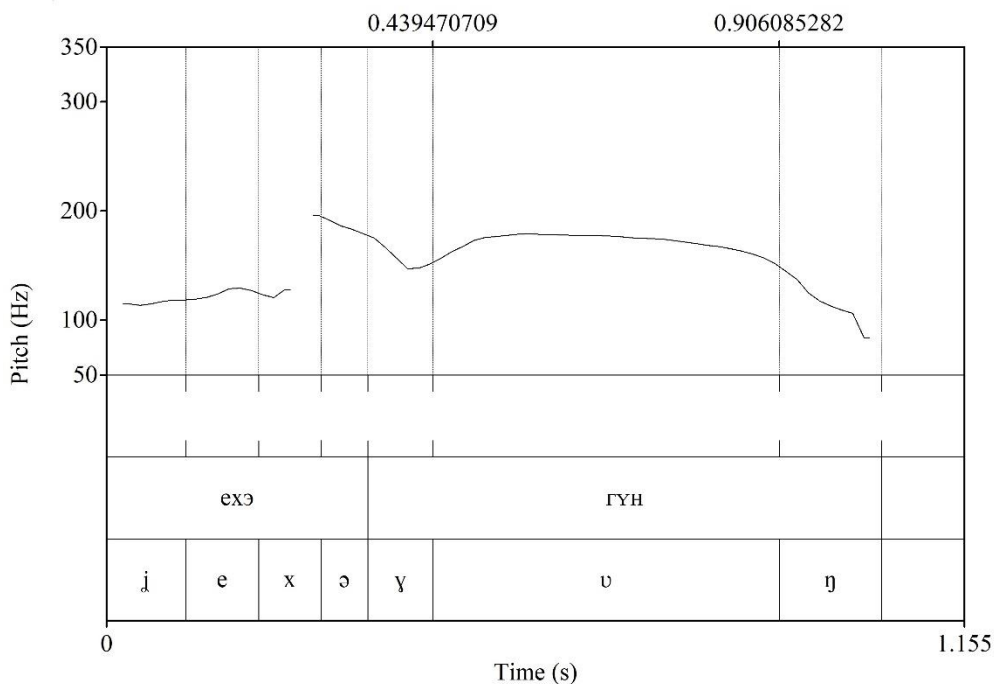

Рис. 3. Мелодический контур высказывания *Ехэ гү-үн* ‘Очень глубокий’ (эхирит-булагатский диалект)

Fig. 3. Pitch contour of the utterance *Yekhe giin* ‘Very deep’ (Ekhirit-Bulagat dialect)

По коммуникативной установке фраза представляет собой эмоционально окрашенное повествовательное высказывание, состоящее из прилагательного с интенсификатором. Прилага-

² ELAN [компьютерная программа]. Неймеген: Институт психолингвистики имени Макса Планка. URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

³ <https://software.sil.org/speech-analyzer/>

⁴ <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>

тельное *гун* отмечено повышенным тоном с увеличенной длительностью гласного, что выступает дополнительным средством интенсификации параметра «глубина» наряду с лексическим усилителем *ехэ* в значении ‘очень’.

Основной тон на слове-акцентоносителе имеет высокий ровный контур с понижением к финалу. Он не достигает максимальных значений в высказывании, произносится ниже, чем первое слово, однако превышает по высоте уровень финального слова в нейтрально произнесенном повествовательном завершённом высказывании. Интервал повышения тона на начале акцентного гласного равен 31 Гц (3,4 пт.), далее тон ровный с небольшими изменениями в пределах 1 пт., на финале тон понижается на 42 Гц (5 пт.), это понижение продолжается и на сонорном согласном.

Краткий гласный прилагательного /*у*/ отмечен эмфатической долготой, его длительность более чем в 5 раз превышает среднюю длительность гласного звука в данном высказывании и составляет 0,4665 сек. при средней длительности краткого гласного звука, не подверженного эмфатизации, в этом высказывании 0,0805 сек. (см. рис. 3).

Однако более частотна локализация исследуемого мелодического контура на лексически выраженном интенсификаторе, а не на самом слове, обозначающем признак. Приведем примеры такой интонации из разных диалектов: *Ехээ-ээр бэлдэдэг байгаа* ‘О-очень много заготавливали’ (эхирит-булагатский); *Эгэ-э багадамни* ‘Когда я был все-ем маленький’ (эхирит-булагатский); *Но-об ногооноор зураһан* ‘Нарисован зеле-еным-презеленым цветом’ (агинский); *А-айхабтар гоё философско шүлэгүүд!* ‘Страшно красивые философские стихи’ (агинский); *Аяа-ар зуу гара мянгаар хэлээ гэнэ Улаан-Үдэдэ* ‘Целых сто тысяч сказали в Улан-Удэ’ (закаменский).

В приведенных примерах интенсификация лексически выражается при помощи специальных слов-интенсификаторов, производных от других частей речи (прилагательного *айхабтар* ‘страшный’, наречия *ехээр* ‘сильно’), непроизводными усилительными частицами (*эгээ*, *аяар*), редупликацией основы прилагательного (*ноб-ногоон*). Интонация выступает дополнительным средством интенсификации.

На рис. 4 представлен мелодический контур высказывания *Айхабтар гоё философско шүлэгүүд!* ‘Страшно красивые философские стихи’ в произношении диктора агинского подговора хоринского диалекта.

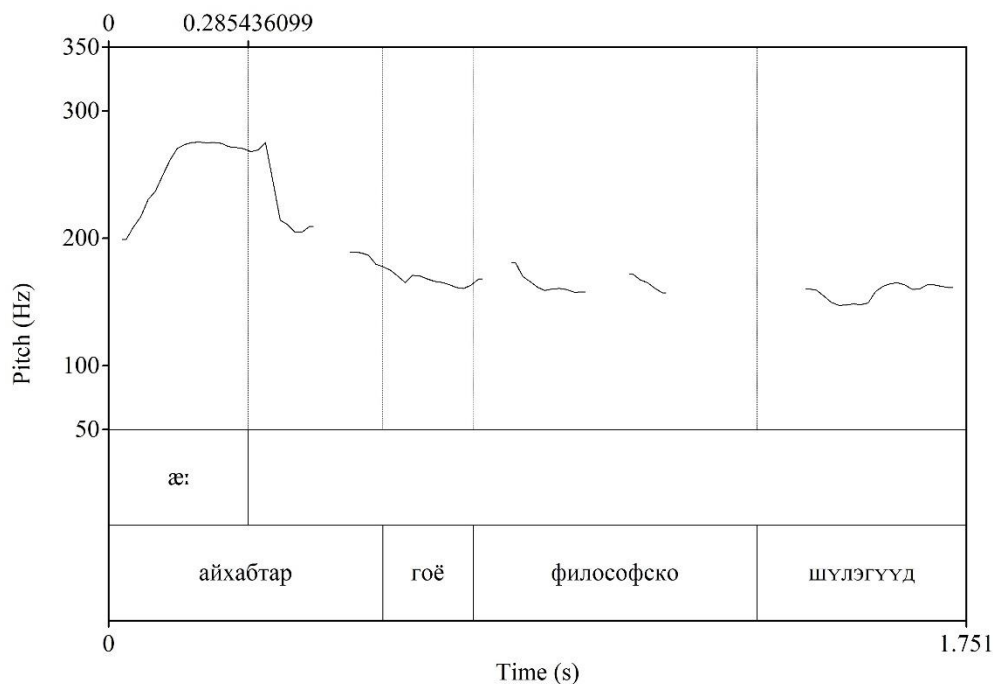

Рис. 4. Мелодический контур высказывания *Айхабтар гоё философско шүлэгүүд!* ‘Страшно красивые философские стихи’ (агинский подговор)

Fig. 4. Pitch contour of the utterance *Ayikhabtar goyo filosofsko shülegüüd!* ‘Terribly beautiful philosophical poems’ (aginsky subdialect)

В данном высказывании акцентоносителем выступает интенсификатор, выраженный прилагательным *айхабтар* ‘страшно’. Основной тон на интонационном центре имеет высокий ровный контур и произносится в верхнем регистре голосового диапазона говорящего. Интервал повышения тона на гласном /æ:/ составляет 84 Гц (6,3 пт.), далее на протяжении всего гласного сохраняется ровный тон. Второй слог слова *айхабтар* произносится на 73 Гц (5,6 пт.) ниже. Как и отмечалось выше, в связи с наличием ярко выраженного интонационного центра постцентровая часть данного высказывания не имеет значительных пиков, связанных с просодией слова, произносится в нижнем регистре говорящего ровным тоном. Длительность гласного акцентоносителя составляет 0,2811 сек., что значительно превосходит среднеслоговую длительность гласного данного высказывания.

Исследуемая интонационная конструкция может самостоятельно выступать интенсификатором. В высказывании *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* ‘Не носят это днем постоянно (об украшении)’ (агинский подговор хоринского диалекта) акцентоносителем является глагол *ябаха* ‘ходить’ в форме соединительного деепричастия, который выполняет функцию вспомогательного глагола в аналитической конструкции с разделительным деепричастием и передает значение продолженного действия, совершаемого в движении (*зүгөөд ябаха*). Удлинение звука – достаточно частый прием для передачи длительности протекания действия, его растянутости во времени (ср. в русском языке *хо-одит, смо-отрит*). В сочетании же с очень высоким тоном приобретает оттенок эмотивности, появляются дополнительные смысловые оттенки. Исследуемый эмотивный интонационный контур накладывается на контур завершеного повествовательного высказывания. На финальном слоге слова-акцентоносителя происходит резкий выброс мелодической кривой вверх на 187 Гц (11 пт.), его центр произносится относительно ровным тоном с незначительной деklinацией (3 пт.), в финальной части тон опускается в средний регистр говорящего, интервал понижения равен 129 Гц (9 пт.). Длительность гласного /e:/ составляет 0,3698 сек. (см. рис. 5).

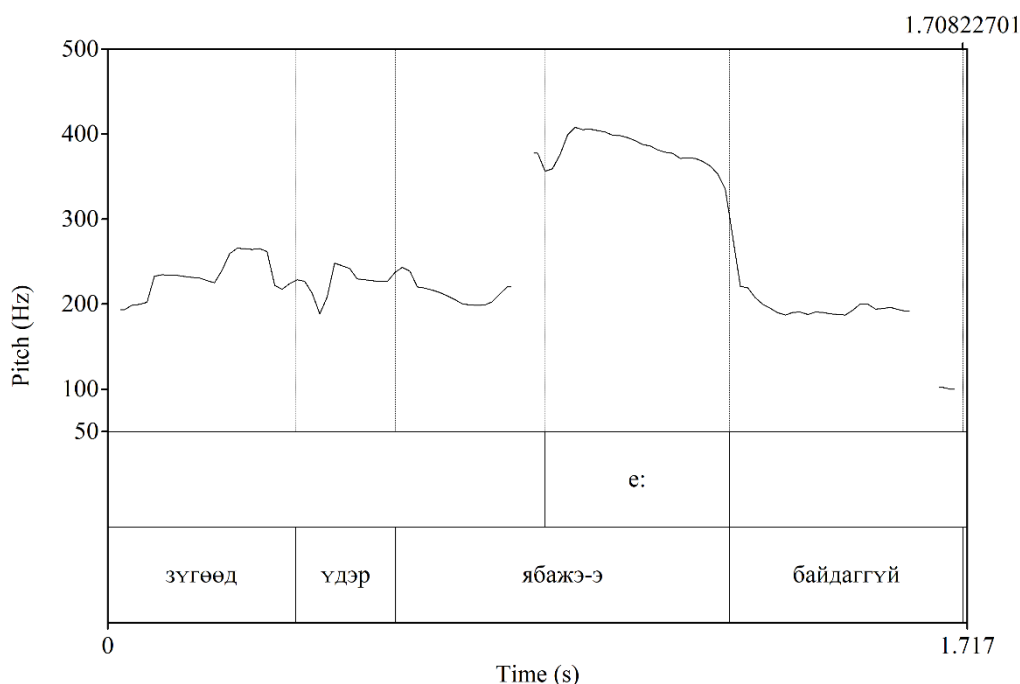

Рис. 5. Мелодический контур высказывания *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* ‘Не носят это днем постоянно (об украшении)’ (агинский подговор)

Fig. 5. Pitch contour of the utterance *Zügööd üder yabazhe-e baydaggui* ‘Do not wear this all the time during the day (about decoration)’ (Aga subdialect)

Как говорилось выше, в эмотивных высказываниях часто используется перестановка частей высказывания, вынесения наиболее важной части в начало. В примере *Хүндэ байгаал дээ-ээ нургуульда нураха, яахан* ‘Было очень сложно учиться в школе и все такое’ (агинский подговор)

мы видим перестановку ремы (*Хүндэ байгаал дээ-ээ*) в позицию перед темой (*хургуульда хураха, яахан*) (см. рис. 6).

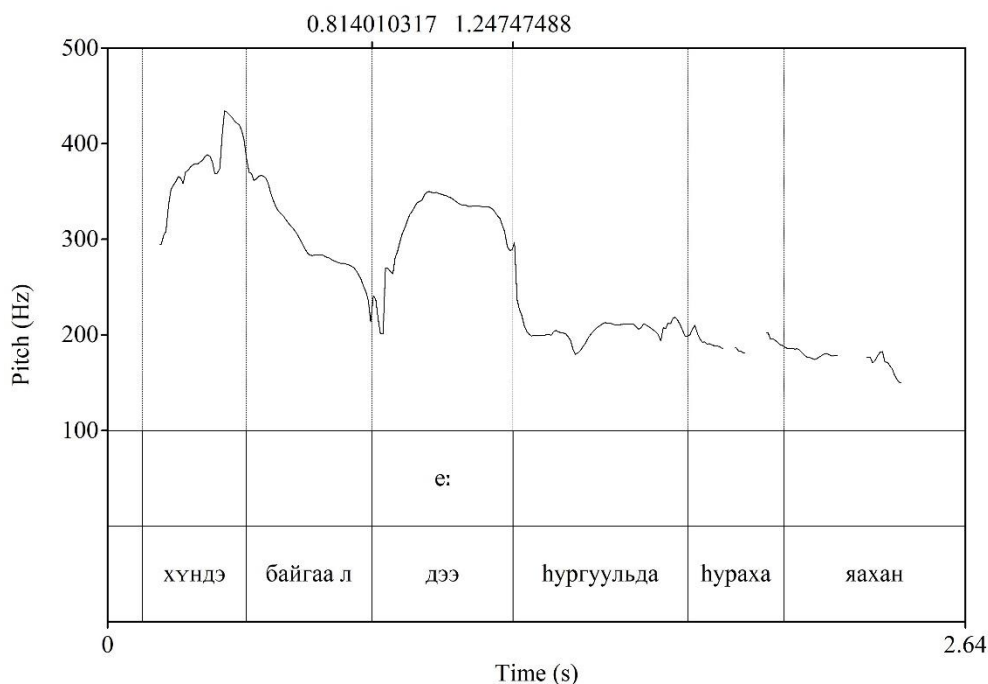

Рис. 6. Мелодический контур высказывания *Хүндэ байгаал дээ-ээ хургуульда хураха, яахан* 'Было очень сложно учиться в школе и все такое' (агинский подговор)

Fig. 6. Pitch contour of the utterance *Khünde baigaal dee-ee hurguul`da khurakha, yaakhan* 'It was very difficult with school and everything' (Aga subdialect).

Интонационный центр локализован на именной части сложного сказуемого (*хүндэ*), на которой тон достигает максимума с последующей деклинацией. Исследуемая эмотивная интонационная конструкция формирует второй мелодический пик, который приходится на частицу *дээ* (фонетический вариант частицы *даа*). Традиционно эта частица называется утвердительной [Грамматика бурятского языка 1962: 320] или модально-утвердительной [Дамбуева 2000: 183]. В. А. Панов называет ее адрессивом, так как ее употребление обязательно предполагает наличие собеседника, возможно воображаемого, и подразумевает его реакцию – словесную или эмоциональную [Панов 2016: 106]. В данном высказывании эта частица передает эмоциональное отношение к высказываемому, привлекает дополнительное внимание.

Интервал повышения тона на частице равен 108 Гц (6 пт.), средняя часть произносится относительно ровным тоном с незначительным понижением, не превышающим 1 пт., в завершении звучания частицы тон слегка понижается на 42 Гц (2 пт.). Тема произносится в нижнем регистре говорящего. Находясь в пострематической позиции, она не имеет ярко выраженного мелодического оформления, произносится достаточно монотонно с незначительной деклинацией. Длительность гласного /e:/ 0,3941 сек., для сравнения длительность другого долгого гласного этого высказывания /u:/ в слове *хургуульда* 'в школе' равна 0,1731 сек.

Согласие. При выражении согласия, уверенности говорящего также может быть использована эта эмотивная конструкция. В высказывании *Тээ, хари-и хари!* 'Ну, да-да (именно так и есть)!' (закаменский говор) говорящий выражает полное согласие с предыдущей репликой собеседника. Лексически фраза состоит из двух модальных частиц: *тээ* 'ну', выражающей допущение, согласие, и удвоенного произнесения модальной частицы *хари*, также выражающей подтверждение, согласие. Для усиления выражаемой мысли, придания большей эмоциональности речи говорящий использует эмотивную интонационную конструкцию. Растягивание звука и повышение тона до верхнего регистра приходится на второй слог первой частицы *хари*. На последней трети частицы тон слегка понижается. Интервал повышения составляет 113 Гц (5,5 пт.), интервал понижения равен 52 Гц (2 пт.). Постцентровая часть произносится ниже

на 87 Гц (4,8 пт.). Длительность гласного с эмфатическим удлинением равна 0,2145 сек., для сравнения длительность этого гласного в повторе слова *хари* равна 0,07 сек. (см. рис. 7).

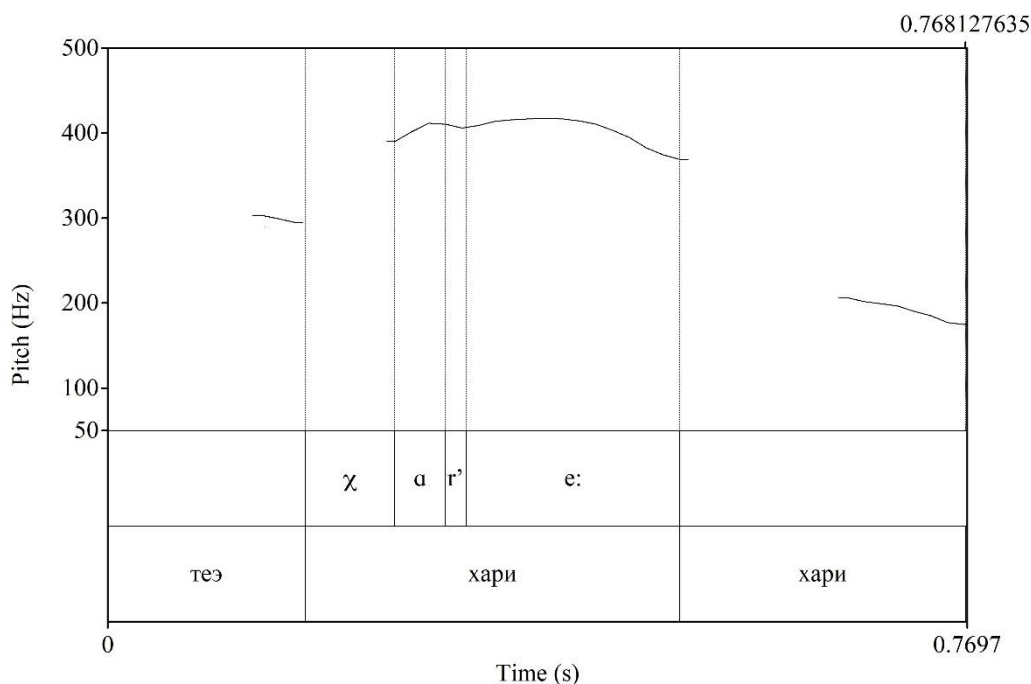

Рис. 7. Мелодический контур высказывания *Тее, хари-и хари!*
 ‘Ну, да-да (именно так и есть)!’ (закаменский диалект)
 Fig. 7. Pitch contour of the utterance *Tee, khari-i khari!*
 ‘Well, yes, yes (that’s exactly what it is)!’ (Zakamensk dialect)

Удивление. Исследуемая интонационная конструкция может передавать эмоцию удивления. В примере на рис. 8 приведен диалог с двумя ответными репликами, выраженными междометием *аа* (выделено вертикальными линиями), которое используется для выражения различных эмоциональных состояний, причем семантика передаваемой эмоции зависит от интонации [Шагдаров, Черемисов 2010: 20]. В первом случае реакция в виде *аа* носит более формальный характер, выражает удивление, но не слишком эмоциональное. Последующая реплика уточняющего характера вызывает более сильную реакцию, выражает более интенсивные эмоции. Во втором случае междометие *аа* произносится с более выраженной эмотивной интонацией.

Кривая основного тона первой реплики носит восходяще-ровно-нисходящий контур. На начале тон резко повышается на 103 Гц (7 пт.), на середине происходят незначительные колебания в пределах 1–2 пт., в финале понижение тона на 68 Гц (4 пт.). Длительность этого междометия составляет 0,8359 сек.

Во втором случае реплика также носит восходяще-ровно-нисходящий рисунок. Интервал резкого повышения тона на начале реплики составляет 146 Гц (7,5 пт.), на середине реплики происходят незначительные колебания, не превышающие 1 пт., в финале тон понижается на 41 Гц (2 пт.). Длительность – 0,6999 сек.

Сравнение этих двух реплик показало, что вторая, более эмоциональная реплика реализуется в более высоком регистре. Начало второй реплики на 52 Гц (4 пт.) выше первой, пиковая часть выше на 95 Гц (4,5 пт.). Обе реплики имеют сходный мелодический контур. Относительно меньшего интервала понижения в финале второй реплики можно сказать, что это междометие хотя и оформлено как самостоятельная синтагма, однако за ним следует продолжение, что не позволяет реализоваться конечному понижению в полной мере. То же самое можно сказать о длительности этих реплик, меньшая длительность второй реплики (0,6999 сек. vs. 0,8359 сек.) так же обусловлена этим фактором.

Можно сделать предварительное заключение, что более сильные эмоции удивления вызывают повышение частотного регистра звучания, однако не влияют на длительность и форму мелодического контура высказывания.

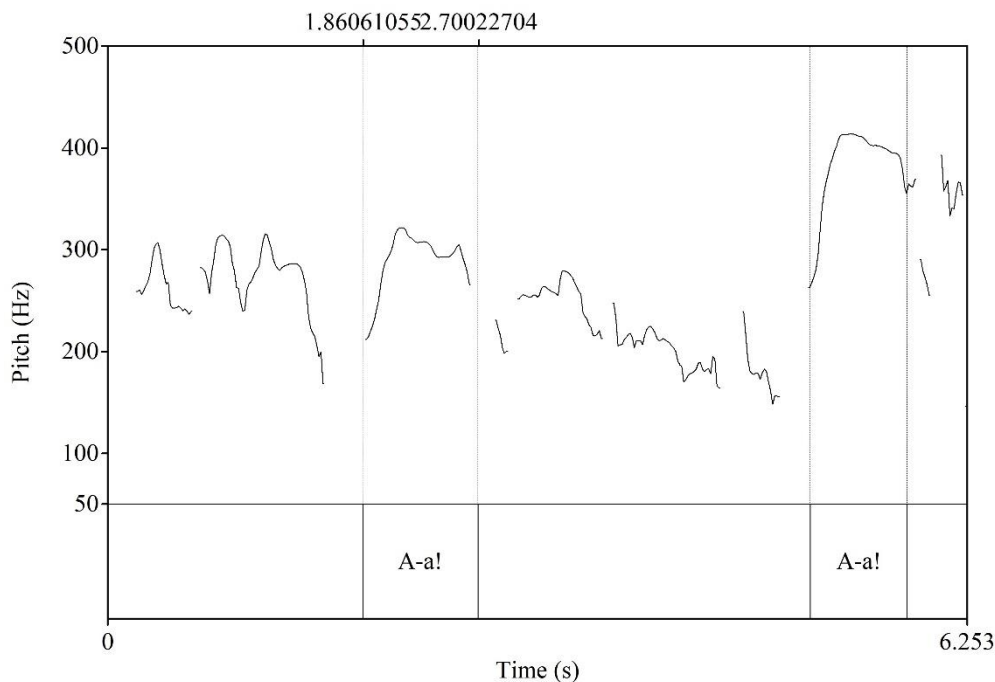

Рис. 8. Мелодический контур двух ответных реплик, выраженных междометием *Aa!* (агинский подговор)

Fig. 8. Pitch contour of two responses, expressed by the interjection *Aa!* (Aga subdialect)

Обсуждение

Таким образом, можно говорить об особой интонационной конструкции в бурятском языке, использующейся для выражения различных эмоционально насыщенных значений. На сегодняшний день собранный материал позволил выявить три значения, выражаемых такой интонацией: интенсификация, согласие, удивление. Однако мы полагаем, что этот список далеко не полон, и он будет дополняться в ходе дальнейших исследований.

Более ярко выявить функцию интонации можно при замене эмотивного интонационного контура на нейтральный. При таком эксперименте мы видим, что в четырех из шести приведенных примерах нейтральная интонация превращает высказывания в повествовательные, происходит снижение эмоциональности, однако значение интенсивности, уверенности сохраняется. Эти значения выражаются лексически (слова-интенсификаторы, частицы) и синтаксически (вынесением ремы в начало высказывания). Тем самым интонация является дополнительным средством, ее роль заключается в усилении уже имеющегося значения, выраженного другими языковыми средствами. Интонация привносит эмоциональную оценку говорящего, передает его отношение.

Однако в двух примерах замена интонации влечет за собой изменение семантики высказывания. Например, во фразе *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* 'Не носят это днем постоянно (об украшении)' вместе со сменой интонации меняются и смысловые оттенки. При произнесении этого высказывания с нейтральной интонацией оно приобретает значение либо прохитива, означающего, что такое действие запрещено, либо констатацию факта, что такое действие обычно не имеет места. Исследуемый же интонационный контур смягчает категоричность прохитива, делается упор на то, что такое действие не принято совершать длительно или часто.

Ответные реплики, выраженные междометием *Aa!*, при произнесении нейтральной интонацией также меняют смысл. Вместо разной степени удивления приобретает оттенок безразличного отношения к услышанному. Если выразить их значение лексически, то при эмоциональном произнесении это можно сделать словами *Неужели!?* *Правда!?*, которое со сменой интонации на нейтральную меняется на *Понятно. Ясно.*

Первый тип высказываний, в котором интонация несет дополнительную нагрузку, а выражение эмоций является дополнительной коммуникативной задачей, являются по терминологии

Л. А. Пиотровской, эмоционально окрашенными. Второй тип высказываний, в которых смена интонации влечет смену значения, являются собственно эмотивными. В таких высказываниях выражение эмоций является доминирующей коммуникативной задачей [Пиотровская 2019: 145]. Исследуемая эмотивная интонационная конструкция может быть использована как в эмоционально окрашенных, так и в собственно эмотивных высказываниях.

Предварительно можно отметить, что исследуемый интонационный контур имеет возрастную и территориальную стратификацию. Так, он наиболее частотен в речи агинских бурят и более характерен для речи старшего поколения.

В дальнейшем мы планируем рассмотреть интонационное оформление собственно эмотивных высказываний, так как следует предположить, что интонационное оформление эмотивных высказываний является более выразительным, чем в эмоционально окрашенных высказываниях.

Список литературы

- Абаева Ю. Д. Диалектный корпус как средство сохранения и изучения бурятской просодии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 9–19.
- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Ч. I. М.: Наука, 1980. С. 102–121.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 340 с.
- Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2000. 252 с.
- Ибрахим И. С. Использование интонации для передачи коммуникативного типа и эмоциональной окраски высказывания в японском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 27 с.
- Панов В. А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 101–127.
- Пиотровская Л. А. Эмоции: речевая деятельность и язык // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014): Сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2014 г. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна, 2015. С. 187–193.
- Пиотровская Л. А. Теоретические основы изучения эмотивной функции интонации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2. № 4. С. 41–49.
- Пиотровская Л. А. Дифференцированный подход к изучению эмотивной функции интонации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 143–163.
- Светозарова Н. Д. Интонационная система языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.
- Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 112 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

References

- Abaeva Yu. D. Dialektnyy korpus kak sredstvo sokhraneniya i izucheniya buryatskoy prosodii [The dialectal corpus as a mean of maintaining and analyzing of the Buryat prosody]. *Tomsk journal of linguistics and anthropology*. 2020, no. 3 (29), pp. 9–19. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Intonatsiya [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, pt. I, pp. 102–121. (In Russ.)
- Dambueva P. P. *Kategoriya modal'nosti v sovremennom buryatskom yazyke* [Category of modality in modern Buryat language]. Ulan-Ude, BSU Publ., 2000, 252 p. (In Russ.)
- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Buryad grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1962, 340 p. (In Russ.)
- Ibrakhim I. S. *Ispol'zovanie intonatsii dlya peredachi kommunikativnogo tipa i emotsional'noy okraski vyskazyvaniya v yaponskom yazyke* [The usage of intonation to manifest the communicative coloring of utterances in Japanese].

type and emotion of an utterance in Japanese]. Abstract of cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2011. (In Russ.)

Panov V. A. Buryatskie zaklyuchitel'nye chastitsy v areal'no-tipologicheskoy perspective [Buryat final particles in an areal-typological perspective]. *Ural-altaic studies*. 2016, no. 4 (23), pp. 101–127. (In Russ.)

Piotrovskaya L. A. Emotsii: rechevaya deyatel'nost' i yazyk [Emotions: language behaviour and language]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2014)*: Sb. nauch. tr. [The press and word of St. Petersburg (Petersburg readings – 2014): Coll. of sci. works]. St. Petersburg, 2015, pp. 187–193. (In Russ.)

Piotrovskaya L. A. Teoreticheskie osnovy izucheniya emotivnoy funktsii intonatsii [Basic principles for studying intonation emotive function]. *Theoretical and applied linguistics*. 2016, vol. 2, no. 4, pp. 41–49. (In Russ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'*. V 2-kh t. [Buryat-Russian dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2010, vol. I. A–N. 636 p.

Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema yazyka* [Russian intonation]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1982, 176 p. (In Russ.)

Torsueva I. G. *Intonatsiya i smysl vyskazyvaniya*. [Intonation and meaning of utterance]. 2nd ed. Moscow, Librokom, 2009, 112 p. (In Russ.)

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, 312 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.10.2023*

Сведения об авторе

Абаева Юлия Догоржаповна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: julaba@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3353-6659

Information about the Author

Iuliia D. Abaeva – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: julaba@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3353-6659